

**«ИМЕЛ ОСОБЛИВЫЯ ПОД СВОЕЙ
КОМАНДОЙ МНОГИЯ КАНЦЕЛЯРИИ...»:
И. И. ДМИТРИЕВ-МАМОНОВ**

18 июля 1721 года камер-юнкер Фридрих Вильгельм Берхгольц, прибывший в Санкт-Петербург в свите герцога голштинского Карла Фридриха, занес в дневник очередную запись. В записи этой камер-юнкер, имевший обыкновение со всей тщательностью и точностью фиксировать обстоятельства поездки, подробно описал впечатления от обозрения одной зловещей достопримечательности новой российской столицы. Заезжему голштинцу показали раскачивающийся на ветру труп бывшего сибирского губернатора князя Матвея Гагарина, повешенного несколькими месяцами ранее. Тело его погребено не было, а оставлено на огромной виселице.

В частности, камер-юнкер отметил, что «лицо преступника, по здешнему обычаю, закрыто платком, а одежда его состоит из камзола и исподнего платья коричневого цвета, сверх которых надета белая рубашка. На ногах у него маленькие круглые русские сапоги. Росту он очень небольшого».

Свои впечатления от увиденного Берхгольц резюмировал похвалой в адрес царя Петра Алексеевича: «История несчастного Гагарина может для многих служить примером: она показывает всему свету власть царя и строгость его наказаний, которая не отличает знатного и незнатного»³⁵⁹.

Пространная дневниковая запись голштинского придворного отразила эпилог многолетнего уголовного преследования М. П. Гагарина, ставшего ключевым фигурантом резонансного и многоэпизодного «сибирского дела». Предварительное следствие по этому делу провела следственная канцелярия под руководством Дмитриева-Мамонова.

Иван Ильич Дмитриев-Мамонов принадлежал к разветвленному и знатному (хотя и нетитулованному) дворянскому роду, восходившему к смоленскому удельному князю Ростиславу Мстиславичу. Само фамильное прозвание — Дмитриев-Мамонов — получило официальное утверждение в 1690 году, когда ее было высочайше дозволено носить братьям А. М., В. М. и И. М. Дмитриевым.

Иван Дмитриев-Мамонов был сыном Ильи Михайловича Дмитриева (одного из братьев, получивших право на

двойную фамилию) и Акилины Ивановны, урожденной Вердеревской. Двух родных братьев Ивана Ильича также звали Иванами³⁶⁰ — что значительно осложнило изучение фактов его ранней биографии.

Согласно пространной надгробной надписи, будущий глава следственной канцелярии И. И. Дмитриев-Мамонов* родился 10 декабря 1680 года и уже «в малолетствии своем» был удостоен высокого придворного чина стольника³⁶¹.

Придворная служба будущего главы следственной канцелярии, впрочем, не затянулась. Из архивных документов следует, что в 1700 году Иван Дмитриев-Мамонов был зачислен в гвардейский Семеновский полк и в том же году произведен в поручики³⁶². Определение Ивана Ильича именно в этот полк было не случайным: судя по всему, там уже служил его брат Иван (по всей очевидности, старший), начавший военную карьеру еще в Семеновской потешной роте**.

Впрочем, долго прослужить в одном полку братьям оказалось не суждено. 11 октября 1702 года гвардии поручик И. И. Дмитриев-Мамонов-старший погиб при уже описанном на страницах этой книги кровопролитном штурме шведской крепости Нотебург на острове Ореховый у впадения Невы в Ладожское озеро³⁶³.

Младший из братьев Иванов Ильичей также служил впоследствии в Семеновском полку, тогда как двоюродный брат И. И. Дмитриева-Мамонова — Василий Афанасьевич — избрал военно-морскую карьеру. Пройдя в 1709—1715 годах обучение на датском флоте, В. А. Дмитриев-

* Уместно будет заметить, что в документах первой четверти XVIII века фамилия «Дмитриев-Мамонов» устойчиво писалась как «Дмитреев-Мамонов». Как следует из многочисленных сохранившихся автографов Ивана Ильича, расписывался он также как «Дмитреев-Мамонов».

** В опубликованном архивном документе, содержащем список военнослужащих Семеновской потешной роты, которые при ее перестроении в 1695 году в полк сохранили офицерские чины, упомянут «Иван Мамонов». В свете приведенных выше данных о том, что И. И. Дмитриев-Мамонов поступил в Семеновский полк в 1700 году, представляется возможным с уверенностью предположить, что в упомянутом документе речь идет о его брате Иване (который тем самым должен быть признан старшим по возрасту). Третий из Иванов Ильичей был точно младшим: согласно надгробной надписи, он родился в 1694 году.

Мамонов успел принять участие в ряде морских кампаний Великой Северной войны, а впоследствии занимал должности советника Адмиралтейской коллегии и главы Московской Адмиралтейской конторы. В 1730 году был произведен в контр-адмиралы. Скончался 18 января 1739 года от чумы на театре военных действий Русско-турецкой войны 1736—1739 годов, командуя Днепровской военной флотилией³⁶⁴.

Из частной жизни Ивана Ильича известно, что первой его женой была Евдокия Степановна, родопроисхождение которой установить к настоящему времени не удалось. От этого брака И. И. Дмитриев-Мамонов имел дочь Анастасию, вышедшую замуж за денщика Петра I, а впоследствии камер-юнкера В. П. Поспелова, возведенного в июле 1728 года в баронское достоинство³⁶⁵.

Подробностей о военной службе Ивана Дмитриева-Мамонова выявить на сегодня почти не удалось. Достоверно известно лишь, что Иван Ильич участвовал почти во всех кампаниях Великой Северной войны и в Прутском походе 1711 года. Как свидетельствуют материалы полкового архива, на фронтах Великой Северной войны будущий следователь получил два ранения. Причем оба — при осаде одного и того же города.

Первый раз гвардии поручик И. И. Дмитриев-Мамонов был ранен 19 ноября 1700 года при разгроме шведами российской осадной группировки под Нарвой. Второй раз капитан Иван Дмитриев-Мамонов получил ранение во время штурма той же Нарвы 9 августа 1704 года — «в левую руку, отшиблен меньшей палец»³⁶⁶.

К «розыскным делам» Иван Дмитриев-Мамонов оказался привлечен в ноябре 1713 года, когда Петр I поручил ему осуществить досудебное разбирательство дела о взяточничестве при рекрутских наборах в Архангелогородской губернии³⁶⁷. Насколько возможно понять, Ивану Ильичу предстояло довести до конца одно из дел, следствие по которым самостоятельно начал его сослуживец по Семёновскому полку, глава первой следственной канцелярии России майор М. И. Волконский, работавший в Архангелогородской губернии с августа 1713 года.

Из подробностей о тогдашнем следствии Ивана Дмитриева-Мамонова известно лишь, что следственные действия производились в Вологде и что фигурантами дела стали пятеро наборщиков рекрут, а также 11 приказчиков и старост (все они были взяты под стражу в декабре

1713 года)³⁶⁸. Вместе с тем не вызывает сомнений, что особой следственной канцелярии под руководством Ивана Ильича тогда не учреждалось. Учитывая же, что в письме царя от 3 декабря 1713 года расследование предписывалось завершить не позднее февраля 1714 года³⁶⁹, можно предположить, что выполнение И. И. Дмитриевым-Мамоновым высочайшего следственного поручения не затянулось.

Четыре года спустя Иван Дмитриев-Мамонов снова был направлен на следственное поприще. При разработке в начале декабря 1717 года проекта указа об учреждении семи «майорских» следственных канцелярий Петр I назначил гвардии майора И. И. Дмитриева-Мамонова презусом одной из них. Эта канцелярия должна была получить в производство уголовные дела, возбужденные фискальской службой России в отношении сенатора князя Я. Ф. Долгорукова, сенатора П. М. Апраксина, главы Мундирной канцелярии М. А. Головина и сибирского губернатора князя М. П. Гагарина³⁷⁰.

9 декабря 1717 года в Санкт-Петербурге Иван Ильич получил на руки подписанный царем список упоминавшегося типового Наказа «майорским» канцеляриям, являвшийся одновременно учредительным актом об основании канцелярии, с реестром подлежащих расследованию уголовных дел. В качестве ассессоров в канцелярию Ивана Дмитриева-Мамонова были определены гвардии капитан И. М. Лихарев, гвардии капитан-поручик Е. И. Пашков и гвардии поручик И. И. Бахметев (о них еще пойдет речь на страницах этой книги).

В 1718 году ассессором канцелярии был назначен гвардии капитан-поручик А. Г. Шамордин. Затем к работе в канцелярии был привлечен (без формального включения в ассессорский состав) стольник П. Б. Вельяминов, имевший значительный опыт следственной деятельности и ставший впоследствии прокурором Камер-коллегии³⁷¹.

Примечательно, что вокруг Петра Вельяминова в конце 1710-х годов разгорелось настоящее бюрократическое сражение. Началось с того, что именным указом от 9 июля 1718 года находившийся в Москве следователь уже упоминавшейся канцелярии И. Н. Плещеева стольник П. Б. Вельяминов был назначен советником в новоучрежденную Юстиц-коллегию³⁷². Однако, несмотря на высочайший указ и понукания Сената, Петр Борисович не покинул бывшую столицу, продолжая заниматься делами как канцелярии Ивана Плещеева, так и Тайной кан-

целярии, по поручению которой проводил распродажу конфиската.

Ситуация вроде бы разрешилась 11 января 1719 года, когда царь определил стольника в канцелярию И. И. Дмитриева-Мамонова³⁷³. Между тем, невзирая на указ от 11 января, президент Юстиц-коллегии граф А. А. Матвеев не отказался от намерения заполучить Петра Вельяминова в свое ведомство.

В письме Ивану Дмитриеву-Мамонову от 26 февраля 1719 года Андрей Матвеев горестно сообщил, что «ныне в Коллегии юстиции в советниках самая настоит необходимая нужда. И такова важнаго... той государственной и многоделной коллегии за оскудением заобычных* людей чинится всемерная всем делам остановка»³⁷⁴.

Не ограничиваясь описанием бедствий вверенной ему коллегии, граф Андрей Артамонович обратил внимание Ивана Ильича, что именной указ от 9 мая 1718 года состоялся все-таки раньше январского, и резонно упрекнул главу следственной канцелярии, что тот не напомнил царю о его собственном прошлогоднем распоряжении. В итоге борьба за «заобычайного» в судебных делах стольника завершилась «чистой» победой И. И. Дмитриева-Мамонова. 7 июля 1720 года Правительствующий сенат предписал: «Столнику Петру Вельяминову быть у дел ис канцелярии ведомства от гвардии маеора господина Дмитриева-Мамонова»³⁷⁵.

В полной мере представить деятельность следственной канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова не представилось возможным, поскольку весь ее архив сгорел при пожаре в Московском кремле 29 мая 1737 года³⁷⁶. Вместе с тем известно, что крупнейшим из уголовных дел, находившихся в ее производстве, было уже упомянутое «сибирское». Не случайно уже в 1719 году в правительственном делопроизводстве канцелярия Ивана Ильича начала время от времени именоваться «Сибирской канцелярией»³⁷⁷.

Как возможно уяснить из разрозненно уцелевших документов, в тесном взаимодействии с фискальской службой канцелярия И. И. Дмитриева-Мамонова проделала огромный объем следственной работы, в рамках которой была организована поездка в Сибирь ассессоров И. М. Лихарева и А. Г. Шамордина. Примером деятельности канцелярии являются сохранившиеся документы о проверке

* Компетентных, обладающих высокой квалификацией.

эпизода о получении губернатором Матвеем Гагариным в 1710 году внушительной взятки в 900 рублей от жителей Хлынова*.

Получив сведения о данном эпизоде (в которых, правда, фигурировала сумма в 1000 рублей) из доношения фискала А. Фильшина от 18 февраля 1718 года, следственная канцелярия для начала допросила в качестве свидетелей упомянутых в доношении бывшего целовальника** Даниила Хохрякова и купца Романа Воронова. Допрошенные лица подтвердили добытую фискальской службой информацию как о сборе с горожан денег для поднесения губернатору, так и о передаче ему этих денег. При этом Р. Воронов уточнил, что деньги не были вручены Матвею Гагарину лично, а отосланы к нему в Москву. Наряду с этим купец показал, что при встрече с ним в 1711 году губернатор сказал, что полученную от хлыновцев тысячу рублей он внес в казну Сибирского приказа и велел зачесть в качестве податей³⁷⁸.

Далее как свидетеля допросили самого М. П. Гагарина, находившегося тогда в Санкт-Петербурге. Князь Матвей Петрович вначале сослался на забывчивость, затем стал отрицать получение денег и, наконец, заявил, что все деньги, «которые и бывали к нему в присылке из городов», он вносил в казну Сибирского приказа³⁷⁹.

Следующими действиями канцелярии были: указание П. Б. Вельяминову проверить показания М. П. Гагарина по приходо-расходным книгам Сибирского приказа, хранившимся в Москве, а также отправление в Хлынов гвардии унтер-офицера Воейкова с поручением провести допрос бывшего земского старосты Якова Куклина, непосредственно передававшего деньги губернатору. Ознакомившись с финансовой документацией приказа, Петр Вельяминов не обнаружил там ни единого упоминания как о сумме, полученной из Хлынова, так и о ее зачете в качестве налога.

Что касается Я. Куклина, то, будучи допрошен 29 августа 1719 года, он показал, что, во-первых, денег было собрано не тысяча, а 900 рублей, во-вторых, что деньги предназначались губернатору «за честь ево, ни от каких дел» (в современном понимании, за общее покровительство),

* Ныне город Киров, административный центр одноименной области.

** Выборный заместитель главы органа местного самоуправления.

а в-третьих, что деньги были вручены тогдашнему коменданту Хлынова С. Д. Траханиотову, причем без расписки, поскольку «оной Траханиотов губернатору... свойственной человек»³⁸⁰.

11 ноября 1719 года канцелярия предписала П. Б. Вельяминову отыскать и допросить Степана Траханиотова в Москве. Допрос этот состоялся 30 ноября. Будучи явно напуган вызовом в грозную следственную канцелярию, Степан Данилович, подтвердив эпизод принятия от хлыновцев денег, настойчиво подчеркнул, что деньги были получены им «без всякого ево... принуждения и не для упущения какова царского величества интересу».

Затем бывший хлыновский комендант поведал, что деньги губернатору в Москву он не отослал, предполагая вручить лично во время собственной поездки в бывшую столицу. Однако передача денег не состоялась и в Москве, поскольку в московском доме Степана Даниловича «волею божиею» случился пожар, в пламени которого «те подносные денги... згорели»³⁸¹. При всей сомнительности приведенной версии пропажи денег перепроверять ее следственная канцелярия не стала.

Далее канцелярия квалифицировала установленные факты исходя из норм тогдашнего законодательства. Было сочтено, что, с одной стороны, действия С. Д. Траханиотова подпадали под действие статьи 8-й главы X Уложения 1649 года (принятие подношения сторонним лицом «без судейского ведома»). С другой стороны, согласно именно указу от 24 февраля 1720 года не подлежали взысканию в казну те частные вознаграждения должностным лицам, которые были получены ими до издания закона от 23 декабря 1714 года (сформировавшего современное понимание взятки), — если это получение не было сопряжено с вымогательством.

На основании приведенных норм следственная канцелярия И. И. Дмитриева-Мамонова не стала предъявлять обвинение по факту получения денег с хлыновцев ни Степану Траханиотову, ни М. П. Гагарину. Впрочем, снятие данного эпизода никак не облегчило участи князя Матвея Петровича.

11 января 1719 года Матвей Гагарин был освобожден от должности губернатора и вскоре арестован. 11 марта

* В современном понимании — мнимое посредничество в получении взятки.

1721 года, ознакомившись с докладом Ивана Дмитриева-Мамонова об итогах расследования, Петр I распорядился предать М. П. Гагарина суду Правительствующего сената³⁸². Два дня спустя, 13 марта, Иван Ильич лично прибыл в здание Сената на Троицкой площади и предъявил подлинник именного указа от 11 марта 1721 года. Одновременно следственная канцелярия передала в канцелярию Сената девять пространных «выписок»* по эпизодам казнокрадства, получения взяток и злоупотребления должностными полномочиями, в которых Матвей Петрович был изобличен в ходе предварительного следствия.

Судебный процесс над бывшим сибирским губернатором не затянулся. Несмотря на то что в именном указе от 11 марта 1721 года ничего не говорилось о сроках рассмотрения дела, сенаторы, наскоро заслушав представленные следственной канцелярией документы и не проведя ни единого допроса подсудимого, уже 14 марта приговорили Матвея Гагарина к смертной казни. Царь не пощадил давнего соратника, лаконично приписав ниже подписей сенаторов: «Быть по сенатскому приговору»³⁸³.

16 марта князь Матвей Петрович был повешен на Троицкой площади Санкт-Петербурга³⁸⁴. Для острастки лихоимцам и казнокрадам Петр I запретил хоронить тело казненного, и оно осталось на виселице (где четыре месяца спустя его и наблюдал Берхгольц).

25 ноября император предписал следственной канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова организовать перевешивание останков князя Матвея Петровича на специально изготовленную цепь³⁸⁵.

Посмертную кару довелось понести и бывшему коменданту города Томска, отставному капитану Р. А. Траханиотову, уголовное преследование которого началось в 1719 году. Благодаря уликам, собранным фискальской службой и следственной канцелярией Ивана Дмитриева-Мамонова, Роман Траханиотов признал 40 (!) эпизодов получения взяток, а также эпизод с присвоением части жалования военнослужащих томского гарнизона. Еще 23 эпизода получения взяток и злоупотреблений должностными полномочиями бывший комендант признал частично, взявшись оспаривать суммы незаконно полученных и при-

* Отдаленный прообраз современного обвинительного заключения, составляемого следователем при передаче дела в суд.

своенных денег. Наконец, 21 эпизод получения взяток Роман Александрович отказался признать вовсе³⁸⁶.

Примечательно, что с целью вымогательства взятки Роман Траханиотов не брезговал фабрикацией ложных улик. В частности, как сообщил на допросе Федор Ненашев, «в бытность де Траханиотова в Томску подьячий да денщик приходили к нему, Ненашеву, в дом для обыску и ничего не нашли. И оной подьячий выбросил из рукава в кадь с рожью в бумаге с полгорсти табаку. И взяв из кади тот табак и ево, Ненашева, с тем табаком привел в приказ* и оковал на тройную цепь... и угрожал пытками. И взял на Траханиотова из-за такова страха денег...»³⁸⁷

Несогласие Романа Александровича с частью предъявленных эпизодов, по которым имелись доказательства, поставило на повестку дня вопрос о применении к нему пытки. Между тем, согласно одной из норм упомянутого выше Наказа «майорским» канцеляриям от 9 декабря 1717 года, строевой офицер (даже отставной) мог быть подвергнут пытке только с санкции военного суда. Поскольку Роман Траханиотов являлся не просто отставным капитаном, но и ветераном крымских походов и первой осады Нарвы (где он еще и получил ранение), И. И. Дмитриев-Мамонов направил 14 декабря 1722 года в Военную коллегию просьбу рассмотреть вопрос о его пытке в военном суде, подробно изложив при этом все собранные следствием доказательства вины бывшего коменданта³⁸⁸.

8 января 1723 года Военная коллегия распорядилась разрешить поставленный следственной канцелярией вопрос в Нижнем воинском суде в Москве³⁸⁹. Не разобравшись в поставленной задаче (Наказ «майорским» канцеляриям от 9 декабря 1717 года типографски не обнародовался и не имел широкого распространения), Нижний воинский суд взялся рассматривать дело Р. А. Траханиотова по существу. 24 сентября 1723 года суд приговорил Романа Александровича к смертной казни с конфискацией имущества и направил приговор на утверждение в Военную коллегию³⁹⁰.

На следующий день после вынесения приговора осужденного перевели из тюремного помещения Нижнего воинского суда в московское представительство канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова. Однако Роман Траханиотов не дождался приведения приговора в исполнение. Как

* То есть в комендантскую канцелярию.

известил Ивана Ильича ассессор гвардии капитан Авраам Шамордин, «сентября 28 дня в 10-м часу пополудни оной Траханиотов под караулом умре, безо всего*, скоропостижно»³⁹¹.

Между тем ассессор Авраам Григорьевич, дополнительно сообщив, что «мертвое ево [Р. А. Траханиотова] не погребено, содержится в канцелярии», задал многозначительный вопрос: «И о теле ево что повелено будет?»³⁹² Решение о судьбе тела осужденного затянулось. Вероятнее всего, доложив ситуацию главе государства, Иван Ильич «с присутствующими господами штап- и обор-афицерами» стали ожидать высочайшего решения.

В конце концов следственная канцелярия решила действовать самостоятельно (возможно, получив некое не вполне определенно сформулированное устное указание императора). 9 декабря 1723 года, приняв во внимание приговор Нижнего воинского суда, хотя формально и не утвержденный еще в Военной коллегии³⁹³, заседавшие в Санкт-Петербурге И. И. Дмитриев-Мамонов, И. М. Лихарев, Е. И. Пашков и И. И. Бахметев вынесли решение о том, что «бывшаго томского каменданта Романа Траханиотова надлежит мертвое тело повесить. ...А за каких ево, Траханиотова, вины, о том в присланном из Военной каллегии держанном об нем, Траханиотове, криксрехте написано имянно»³⁹⁴.

По непостижимому совпадению, в тот же день 9 декабря в том же Санкт-Петербурге император Петр Великий во время посещения Вышнего суда между иного распорядился: «Тело умершего Рамана Траханиотова, по чиненному приговору, за вины ево повесить. И генералу-маеору и лейб-гвардии маеору господину Дмитриеву-Мамонову с товарищи учинить о том по вышеписанному его императорского величества указу»³⁹⁵.

Ситуация становится вовсе фантаσμαгорической, если учесть, что Вышний суд располагался тогда в Зимнем дворце («Зимнем доме»), а все следственные канцелярии — в Петропавловской крепости. То есть на разных берегах Невы, но напротив друг друга. А еще если принять во внимание, что одним из судей Вышнего суда являлся Иван Ильич Дмитриев-Мамонов.

* Вероятнее всего, имеется в виду, что Роман Александрович не успел вызвать священника, чтобы исповедаться и причаститься Святых Тайн.

Как бы то ни было, осуществив бюрократический синтез собственного постановления и государева указа, следственная канцелярия Ивана Дмитриева-Мамонова 19 декабря 1723 года приняла окончательное решение: «Тело умершего Романа Траханиотова, по прежнему их приговору сего декабря 9-го числа и по... его императорского величества именному указу, за вины ево в Москве в пристойном месте повесить. И том послать указ гвардии капитану господину Шамордину»³⁹⁶. Подробности «экзекуции», проведенной с трупом бывшего томского коменданта, остались неизвестными.

Менее тяжкое наказание понесли бывший комендант Удинска* казачий полковник Федор Рупышев и его сын Афанасий. Изобличенные следственной канцелярией И. И. Дмитриева-Мамонова в многочисленных эпизодах получения взяток, неуплаты таможенных пошлин и контрабандной торговли пушниной с Китаем, Федор и Афанасий Рупышевы были преданы военному суду, состоявшему из презусов и ассессоров «майорских» следственных канцелярий. 30 августа 1720 года суд приговорил их к наказанию кнутом, конфискации имущества и ссылке гребцами на галеры: Федора — на три года, Афанасия — на год³⁹⁷.

Руководство следственной канцелярией отнюдь не исчерпывало служебных занятий И. И. Дмитриева-Мамонова в последнее семилетие правления Петра I. Так, во время Персидского похода 1722 года Иван Дмитриев-Мамонов командовал батальонами Семеновского полка, которые были направлены на театр военных действий. Там Иван Ильич едва не погиб, попав со своим отрядом в сильный шторм на Каспийском море в ночь на 22 июля 1722 года. При торжественном въезде Петра I в Москву 13 декабря 1723 года после победоносного завершения похода Иван Дмитриев-Мамонов следовал верхом сразу вслед за императором³⁹⁸.

Что касается руководства следственной канцелярией, то оно формально завершилось для И. И. Дмитриева-Мамонова в декабре 1723 года в связи с изданием именного указа о закрытии «майорских» канцелярий. Основная часть документов канцелярии (182 дела) была в марте 1726 года передана в сенатский архив, в составе которого они и погибли в упомянутом пожаре 1737 года, а 17 дел в апреле

* Ныне — Улан-Удэ.

1726 года приняла для дальнейшего рассмотрения Юстиц-коллегия³⁹⁹.

Последнее следственное поручение Петра I Иван Дмитриев-Мамонов получил в мае 1723 года, когда был назначен главой Канцелярии кронштадтского следствия⁴⁰⁰. В этот раз Ивану Ильичу предстояло завершить расследование уголовного дела о злоупотреблениях, допущенных при строительстве Кронштадта в 1717—1722 годах. Наряду с осуществлением следственных действий И. И. Дмитриеву-Мамонову довелось фактически вступить в руководство продолжением строительства крепости и порта.

Во главе названной канцелярии он находился до сентября 1724 года, до ее передачи в подведомственность Адмиралтейской коллегии. В общем, как было сформулировано в упоминавшейся надгробной надписи на могиле Ивана Ильича, «имел особливый под своей командой многия канцелярии»⁴⁰¹.

Неординарно сложилась частная жизнь И. И. Дмитриева-Мамонова. Согласно рассказу осведомленного французского посланника Ж. Кампредона (Jacques de Campredon), Иван Дмитриев-Мамонов, овдовев, вступил в тайную связь с племянницей Петра I царевной Прасковьей Ивановной, младшей дочерью царя Ивана V. В 1724 году незамужняя царевна родила младенца, и ее отношения с Дмитриевым-Мамоновым получили огласку⁴⁰². Император, хотя и воспринял эту историю весьма негативно, позволил Ивану Ильичу и Прасковье Ивановне сочетаться морганатическим браком⁴⁰³.

Воцарение императрицы Екатерины I привело к дальнейшему карьерному возвышению И. И. Дмитриева-Мамонова. 21 мая 1725 года он был в числе первых в России пожалован в кавалеры ордена Святого Александра Невского⁴⁰⁴. 4 июля императрица пожаловала ему конфискованный каменный дом осужденного дьяка П. К. Скурихина, расположенный в Москве на Мясницкой улице⁴⁰⁵. Наконец, 8 февраля 1726 года Иван Дмитриев-Мамонов был произведен в генерал-лейтенанты и назначен сенатором⁴⁰⁶.

Ничуть не поколебалось положение Ивана Дмитриева-Мамонова и при новом императоре — Петре II. 7 мая 1727 года, в день восшествия на престол, новый император произвел И. И. Дмитриева-Мамонова в чин гвардии подполковника — с переводом в Преображенский полк⁴⁰⁷. Именным указом от 31 мая 1728 года морганатическая супруга Ивана Ильича царевна Прасковья Ивановна была по-

жалована конфискованным московским двором А. Д. Меншикова на Мясницкой улице⁴⁰⁸.

Своеобразие ситуации заключалось в том, что этот двор был в 1699 году приобретен Александром Меншиковым не у кого-нибудь, а у братьев Дмитриевых-Мамоновых⁴⁰⁹. Так Иван Дмитриев-Мамонов получил возможность вновь оказаться в родных стенах, хотя и основательно перестроенных Александром Даниловичем*.

Примечательный отзыв о личности Ивана Ильича оставил соприкасавшийся с ним в конце 1720-х годов первый посол Испании в России Яков Джеймс Стюарт, герцог де Лириа-и-Херика: «Человек храбрый, умный и решительный. Служил хорошо и был хороший офицер. Но был зол и коварен, и все его боялись»⁴¹⁰.

Совсем блестящие карьерные перспективы открылись перед И. И. Дмитриевым-Мамоновым в связи с приходом к власти в январе 1730 года императрицы Анны Иоанновны, старшей сестры царевны Прасковьи. 4 марта Иван Ильич был переназначен сенатором, а 28 апреля, в день коронации императрицы, произведен в генерал-аншефы⁴¹¹ (чин, находившийся ступенью ниже генерал-фельдмаршала). Однако дожидаться новых высочайших милостей бывшему следователю не довелось.

24 мая 1730 года генерал-аншеф И. И. Дмитриев-Мамонов скоропостижно скончался в седле, сопровождая императрицу в подмосковную резиденцию в селе Измайлове⁴¹². 29 мая он был погребен в Москве в церкви священномучеников Флора и Лавра близ Мясницких ворот, по соседству с могилами родителей.

В последний путь И. И. Дмитриева-Мамонова провожали высшие духовные чины, сенаторы, генералы, офицеры гвардии. Церемония сопровождалась пушечной пальбой и тремя ружейными залпами гвардейских батальонов⁴¹³.

Царевна Прасковья ненадолго пережила супруга. Быть может, из-за тоски по Ивану Ильичу она скончалась в Москве 9 октября 1731 года. Ей было всего 36 лет. Похоронили Прасковью Ивановну в Вознесенском женском монастыре в Кремле⁴¹⁴, где покоились великие княгини и царевны.

В 1934 году при прокладке Сокольнической линии Московского метрополитена церковь Флора и Лавра была

* В настоящее время на месте бывшего московского дворца А. Д. Меншикова находится выстроенное в 1910—1912 годах здание Московского почтамта (современный адрес: Мясницкая, 26).

снесена, а находившиеся в ней захоронения уничтожены. В настоящее время на месте церкви находится заасфальтированная площадка, примыкающая к станции метро «Чистые пруды».